

Эту книгу я с благодарностью посвящаю моим детям. Мои мать и жена научили меня быть мужчиной. Мои дети научили меня, как стать свободным.

Наоми Рейчел Кинг, четырнадцатилетней.

Джозефу Хиллстрому Кингу, двенадцатилетнему.

Оуэну Филипу Кингу, семилетнему.

Ребятки, вымысел — правда, запрятанная в ложь, и правда вымысла достаточно проста: магия существует.

С.К.

Часть 1

ТЕНЬ ПРОШЛОГО

Они начинают!
Совершенства обостряются,
Цветок раскрывает яркие лепестки
Широко навстречу солнцу,
Но хоботок пчелы
Промахивается мимо них.
Они возвращаются в жирную землю,
Плача —
Вы можете назвать это плачем,
Который расплзается по ним дрожью,
Когда они увядают и исчезают...

Уильям Карлос Уильямс¹. Патерсон

Рожденный в городе мертвеца².

Брюс Спрингстин

Глава 1

ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ (1957 г.)

1

Начало этому ужасу, который не закончится еще двадцать восемь лет — если закончится вообще, — положил, насколько я знаю и могу судить, сложенный из газетного листа кораблик, плывущий по вздувшейся от дождей ливневой канаве.

Кораблик нырял носом, кренился на борт, выпрямлялся, храбро проскакивал коварные водовороты и продолжал плавание вдоль Уитчем-стрит к светофору на перекрестке с Джексон-стрит. Во второй половине того осеннего дня 1957 года лампы не горели ни с одной из четырех сторон светофора, и дома вокруг тоже стояли темные. Дождь не переставая лил уже неделю, а последние два дня к нему прибавился ветер.

¹ *Уильямс, Уильям Карлос* (1883–1963) — известный американский поэт, писатель.

² «Рожденный в городе мертвеца»/«Born down in a dead man's town» — первая строка песни «Рожденный в США» (1984) американского певца Брюса Спрингстина (р. 1949).

8 Многие районы Дерри остались без электричества, и восстановить его подачу удалось не везде.

Маленький мальчик в желтом дождевике и красных галошах радостно бежал рядом с бумажным корабликом. Дождь не прекратился, но наконец-то потерял силу. Стучал по капюшону дождевика, напоминая мальчику стук дождя по крыше сарая... приятный такой, уютный звук. Мальчика в желтом дождевике, шести лет от роду, звали Джордж Денбро. Его брат, Уильям, известный большинству детей в начальной школе Дерри (и даже учителям, которые никогда не называли бы его так в лицо) как Заика Билл, остался дома — выздоравливал после тяжелого гриппа. В ту осень 1957 года, за восемь месяцев до прихода в Дерри настоящего ужаса и за двадцать восемь лет до окончательной развязки, Биллу шел одиннадцатый год.

Кораблик, рядом с которым бежал Джордж, смастерил Билл. Сложил из газетного листа, сидя в кровати, привалившись спиной к груде подушек, пока их мать играла «К Элизе» на пианино в гостиной, а дождь без устали стучал в окно его спальни.

За четверть квартала, ближайшего к перекрестку и неработающему светофору, Уитчем перегораживали дымящиеся бочки и четыре оранжевых, по форме напоминающих козлы для пилки дров барьера. На перекладине каждого чернела трафаретная надпись «ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ ДЕРРИ». За бочками и барьерами дождь выплеснулся из ливневых канав, забитых ветками, камнями, грудями слипшихся осенних листьев. Поначалу вода выпустила на гудрон тонкие струйки-пальцы, потом принялась загребать его жадными руками — произошло все это на третий день дождей. К полудню четвертого дня куски дорожного покрытия плыли через перекресток Уитчем и Джексон, будто миниатюрные льдины. К тому времени многие жители Дерри нервно шутили на предмет ковчегов. Департаменту общественных работ удалось обеспечить движение по Джексон-стрит, но Уитчем, от барьеров до центра города, для проезда закрыли.

Однако теперь, и с этим все соглашались, худшее осталось позади. В Пустой река Кендускиг поднялась почти вровень с берегами, и бетонные стены Канала — выправленного русла в центральной части города — выступали из воды на считанные дюймы. Прямо сейчас группа мужчин, в том числе и Зак Денбро, отец Билла и Джорджа, убирали мешки с песком, которые днем раньше набросали в панической спешке.

Вчера выход реки из берегов и огромный урон, вызванный наводнением, казались практически неизбежными. Бог свидетель, такое уже случалось: катастрофа 1931 года обошлась в миллионы долларов и унесла почти два десятка жизней. Лет минуло немало, но оставалось достаточно свидетелей того наводнения, чтобы пугать остальных. Одну из жертв нашли в двадцати пяти милях восточнее, в Бакспорте. Рыбы съели у несчастного глаза, три пальца, пенис и чуть ли не всю левую ступню. Тем, что осталось от кистей, он крепко держался за руль «Форда».

Но нынче уровень воды снижался, а после введения в строй новой плотины Бангорской электростанции, выше по течению, угроза наводнений вообще перестала бы существовать. Так, во всяком случае, говорил Зак Денбро, работавший в «Бангор гидроэлектрик». Что же касается остальных... если на то пошло, будущие наводнения особо их не интересовали. Речь шла о том, чтобы пережить это, восстановить подачу электричества, а потом забыть о случившемся. В Дерри научились прямо-таки виртуозно забывать трагедии и несчастья, и Биллу Денбро со временем предстояло это узнать.

Джордж остановился сразу за барьерами, на краю глубокой расщелины, которая прорезала твердое покрытие Уитчем-стрит. Расщелина пересекала улицу практически по диагонали, оканчиваясь на другой ее стороне футах в сорока ниже того места, справа от мостовой, где стоял Джордж. Он громко рассмеялся (звонким детским смехом, который расцветил серость дня), когда капризом бегущей воды его бумажный кораблик потащило на маленькие пороги, образовавшиеся на размытом гудроне. Поток воды прорезал в нем диагональный канал, и кораблик несся поперек Уитчем-стрит с такой скоростью, что Джорджу пришлось бежать изо всех сил, чтобы не отстать от него. Вода грязными брызгами разлеталась из-под его галош. Их пряжки радостно позвякивали, пока Джордж Денбро мчался навстречу своей странной смерти. В этот момент его наполняла чистая и светлая любовь к своему брату Биллу; любовь — и толика сожаления, что Билл не может все это видеть и в этом участвовать. Конечно, он попытался бы рассказать все Биллу, когда вернется домой, но знал, что его рассказ не позволит Биллу видеть все и в мельчайших подробностях, как произошло бы, поменяйся они местами. Билл хорошо читал и писал, но даже в столь юном возрасте Джорджу хватало ума, чтобы понять: это не единственная причина, по которой в табеле Билла стояли

10   одни пятерки, а учителям нравились его сочинения. Да, рассказывать Билл умел. Но еще умел и видеть.

Кораблик пулей проскочил диагональный канал, этот всего лишь сложенный лист с частными объявлениями из «Дерри нюос», но теперь Джорджу казалось, что это быстроходный катер из военного фильма, вроде тех, какие он иногда по субботам смотрел с Биллом в городском кинотеатре на утренних сеансах. Из военного фильма, где Джон Уэйн сражался с япошками. От носа бумажного кораблика в обе стороны летели брызги, а потом он добрался до ливневой канавы на левой стороне Уитчем-стрит. В том месте, где встречались два потока (один — текущий по расщелине в гудроне, второй — по ливневой канаве), образовался довольно мощный водоворот, и Джорджу показалось, что вода утянет кораблик и перевернет его. Действительно, он опасно накренился, но потом Джордж издал радостный вопль, потому что кораблик выпрямился, развернулся и понесся вниз, к перекрестку. Мальчик бросился его догонять. Над головой октябрьский ветер тряс деревья, которые многодневный ливень (в этом году показавший себя уж очень безжалостным жнецом) едва ли не полностью освободил от груза разноцветных листьев.

2

Сидя в кровати, с еще покрасневшимися от жара щеками (но температура, как и уровень воды в Кендускиг, наконец-то стала снижаться), Билл закончил складывать бумажный кораблик, но, когда Джордж потянулся к нему, отвел руку.

— А те-еперь принеси мне па-а-арафин.

— Зачем? Где он?

— В подвале на по-о-олке, как только спустишься вниз, — ответил Билл. — В жестянке с надписью «Га-а-алф»... «Галф». Принеси мне жестянку, нож и миску. И ко-о-оробок спичек.

Джордж покорно пошел, чтобы принести все перечисленное Биллом. Он слышал, что мама по-прежнему играла на пианино, не «К Элизе», а что-то другое. Эта музыка ему не нравилась — какая-то сухая и суетливая. Он слышал, как дождь барабанил по окнам кухни. Эти звуки приятно успокаивали в отличие от мыслей о подвале. Он не любил подвал, не любил спускаться туда по лестнице: всегда представлял себе что-то затаившееся внизу, в темноте. Глупо, конечно, так говорил отец, так говорила мать и, что более важно, так говорил Билл, но однако...

Он даже не любил открывать дверь, чтобы включить свет, опасаясь (эта идея была настолько глупая, что он ни с кем ею не делился), что какая-то жуткая когтистая лапа ляжет на его запястье, пока он будет ощупывать стену в поисках выключателя... а потом рывком утащит его в темноту, пахнущую грязью, сыростью и подгнивающими овощами.

Глупость! Тварей, заросших шерстью, переполненных убийственной злобой и с когтями, не существует. Время от времени кто-то сходил с ума и убивал множество людей (иногда Чет Хантли говорил о таком в вечерних новостях), и, разумеется, не следовало забывать про комми¹, но в их подвале никаких страшных монстров не обитало. Тем не менее эта мысль крепко сидела в голове. И в опасные моменты, когда правой рукой он нащупывал выключатель (левой намертво вцепившись в дверной косяк или ручку), подвальное амбре становилось таким сильным, что, казалось, заполняло мир. Запахи грязи, сырости и подгнивших овощей сливались в один безошибочно узнаваемый запах монстра, являвшего собой апофеоз всех монстров. Запах чудовища, которое Джордж не мог хоть как-то назвать, — запах Оно, затаившегося и изготавившегося к прыжку. Существа, которое могло есть все, но отдававшего особое предпочтение мясу мальчиков.

В то утро он открыл дверь и начал ощупывать стену в поисках выключателя, другой рукой привычно вцепившись в дверной косяк, крепко закрыв глаза, с торчащим из уголка рта кончиком языка, который напоминал умирающий корешок, ищущий воду в эпицентре засухи. Смешно? Конечно! Будьте уверены! Посмотрите на Джорджи! Джорджи боится темноты! Он такой маленький! Музыка доносилась из комнаты, которую отец называл общей, а мать — гостиной. Доносилась, словно из другого мира, далекого-далекого. Так, наверное, воспринимал бы разговоры и смех на переполненном летнем пляже обессиленный пловец, который боролся с подводным течением.

Его пальцы нащупали выключатель. Ух!

Щелчок...

...и ничего. Никакого света.

Черт! Электричество!

Джордж отдернул руку, будто от корзины со змеями. Отступил на шаг от открытой двери в подвал, сердце учащенно билось в груди. Света нет, конечно же... он забыл, что элек-

¹ *Комми* — коммунисты.

12 тричество отключили. Оосподи-суси! Что теперь?

Вернуться к Биллу и сказать — не смог он принести парафин, потому что электричества нет и ему страшно. Он боится, как бы что-то не схватило его на ступенях лестницы, не комми, не маньяк-убийца, но существо, которое хуже любого из них. Оно просунет какую-то часть своей вонючей туши в зазор между ступенями и ухватит его за лодыжку. Это будет здорово, правда? Другие могли бы посмеяться над такой выдумкой, но Билл смеяться бы не стал. Билл бы рассердился. Билл бы сказал: «Пора повзрослеть, Джорджи... хочешь ты кораблик или нет?»

И в этот самый момент, словно мысли Джорджа подтолкнули его, Билл прокричал из спальни:

— Ты та-ам умер, Дж-Джорджи?

— Нет, уже несу, Билл, — тут же откликнулся Джордж, потер руки, пытаясь избавиться от предательских мурашек, покрывших кожу. — Я задержался, потому что захотелось попить.

— Что ж, по-оторопись!

Он спустился вниз на четыре ступеньки к нужной ему полке (сердце колотилось в горле, как большой, теплый молоток, волосы на затылке стояли дыбом, глаза жгло как огнем, руки похолодели), в полной уверенности, что в любой момент дверь в подвал может закрыться сама по себе, отсекая белый свет, льющийся из окон кухни, и он услышит Оно, нечто такое, что хуже всех комми и маньяков-убийц этого мира, хуже япошек, хуже Аттилы, хуже чудовищ в сотне фильмов ужасов. Оно, глухо рычащее... и он услышал бы это рычание в жуткие секунды перед тем, как монстр монстров прыгнул бы на него и вспорол ему живот.

В этот день из-за сильнейшего наводнения, почти потопа, подвальный запах был еще противнее, чем обычно. Их дом располагался достаточно высоко по Уитчем-стрит, рядом с вершиной холма, так что они оказались не в самом худшем положении, но вода все равно стояла на полу подвала, просочившись туда через старый фундамент. Запах был таким неприятным, что дышать приходилось часто и неглубоко.

Джордж принялся быстро-быстро перебирать лежащий на полке хлам: старые банки с обувным кремом «Киви», бархотки для чистки обуви, разбитая керосиновая лампа, две почти пустые пластиковые бутылки «Уиндекса», старая канистра с полиролью «Тэтл». По какой-то причине канистра так поразила его, что он провел тридцать секунд, зачарованно глядя

на черепахе на крышке. Отшвырнул канистру от себя... и наконец-то нашел нужную ему жестянку с надписью «Галф».

Схватил и со всех ног взбежал по лестнице, внезапно осознав, что сзади подол рубашки вылез из штанов, что подол этот его и погубит: тварь в подвале позволит ему подняться почти до самого верха, а потом ухватится за подол рубашки, потащит назад и...

Он добрался до кухни и захлопнул за собой дверь. Просто грохнул дверью. Привалился к ней, закрыв глаза, весь в испарине, сжимая в руке жестянку с парафином.

Пианино смолкло, послышался голос матери:

— Джорджи, в следующий раз сможешь хлопнуть дверью чуть сильнее? Возможно, тебе удастся разбить несколько тарелок в серванте.

— Извини, мама! — крикнул он в ответ.

— Джорджи, какашка, — позвал из спальни Билл. Тихонько, чтобы не услышала мать.

Джордж хихикнул. Страх его уже ушел. Ускользнул так же легко, как ускользают воспоминания о кошмарном сне, когда кто-то просыпается в холодном поту, с гулко бьющимся сердцем. Он ощупывает тело, оглядывается, чтобы убедиться: наяву ничего этого не было, и тут же начинает забывать. Половину кошмара не помнит, когда его ноги касаются пола, трех четвертей — когда выходит из душа и начинает вытираться, а уж после завтрака кошмар забывается полностью. Ускользает... до следующего раза, когда, в том же кошмарном сне, все страхи возвращаются.

«Эта черепаха, — подумал Джордж, направляясь к столику, в ящике которого лежали спички. — Где я уже видел такую черепаху?»

Но ответа не нашел и перестал об этом думать.

Взял из ящика коробок спичек, со стойки — нож (держа его лезвием от себя, как учил отец), из буфета для посуды в столовой — маленькую миску. Потом вернулся в комнату Билла.

— Ка-акая же ты жо-опная дырка, Дж-Джорджи. — Впрочем, голос Билла звучал миролюбиво. Он отодвинул от края прикроватного столика атрибуты болезни: пустой стакан, графин с водой, бумажные салфетки, книги, бутылку растирки «Викс варораб», запах которой всегда будет ассоциироваться у Билла с грудным кашлем и сопливым носом. Там же стоял и старенький радиоприемник «Филко», транслирую-

14 щий не Баха или Шопена, а песню Литтл Ричарда... но так тихо, что голос Литтл Ричарда лишился присущей ему первозданной мощи. Их мать, которая обучалась игре на рояле в Джульярде¹, ненавидела рок-н-ролл. Не просто не любила — он вызывал у нее отвращение.

— Я не жопная дырка, — ответил Джордж, расставляя принесенное на прикроватном столике.

— Она самая, — настаивал Билл. — Большая, грязная жопная дырка, вот ты кто.

Джордж попытался представить себе такого ребенка — жопную дырку на ножках, и засмеялся.

— Ты — жопная дырка, которая больше Огасты. — Тут начал смеяться и Билл.

— Твоя жопная дырка больше целого штата, — ответил Джордж. И оба они хохотали почти две минуты.

Потом последовал разговор шепотом, из тех, какие имеют значение только для маленьких мальчиков: выясняли, кто самая большая жопная дырка, у кого самая большая жопная дырка, чья жопная дырка более грязная и так далее. Наконец Билл произнес одно из запретных слов — обозвал Джорджа большой, грязной, засранной жопной дыркой, после чего оба расхохотались. Смех Билла перешел в приступ кашля. Когда же кашель пошел на спад (к тому времени лицо Билла приобрело цвет спелой сливы, что встревожило Джорджа), пианино вновь перестало играть. Оба мальчика повернулись к гостиной, прислушиваясь: не отодвинется ли стул, не раздадутся ли торопливые шаги матери. Билл зажал рот сгибом локтя, подавляя остатки кашля, другой рукой указывая на графин. Джордж налил ему стакан воды, Билл выпил его.

Пианино заиграло вновь — опять «К Элизе». Пьеса эта навсегда осталась в памяти Заики Билла, и даже много лет спустя при этих звуках кожа покрывалась мурашками, сердце сжималось, и он вспоминал: «Моя мама играла эту пьесу в день смерти Джорджа».

— Еще будешь кашлять, Билл?

— Нет.

Билл достал из коробки бумажную салфетку, издал какой-то урчащий звук, отхаркнул мокроту в салфетку, смял ее в комок и бросил в корзинку для мусора у кровати, заполненную такими же комками. Потом открыл жестянку с парафином, перевернул и выложил на ладонь парафиновый куб.

---

¹ *Джульярдская школа* — одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства.

Джордж пристально смотрел на него, но помалкивал и ни о чем не спрашивал. Билл не любил, когда Джордж заговаривал с ним, если он что-то делал, а Джордж уже на собственном опыте убедился — если будет держать рот на замке, Билл скорее всего сам все объяснит.

Ножом Билл отрезал маленький кусочек от парафинового куба, опустил в миску, зажег спичку и положил ее на отрезанный кусок парафина. Оба мальчика наблюдали за желтым пламенем, а затихающий ветер время от времени хлестал окно дождем.

— Корабль нужно сделать водонепроницаемым, иначе он намокнет и утонет. — В обществе Джорджа Билл заикался меньше, а порой заикание вообще исчезало. В школе, однако, оно становилось таким сильным, что говорить он просто не мог. Общение прекращалось, и одноклассники Билла отводили глаза, когда тот, ухватившись за край парты, с покрасневшим лицом, цветом уже не отличавшимся от ярко-рыжих волос, сощурившись, пытался вытолкнуть какое-нибудь слово из упрямящегося горла.

Иногда — чаще всего — слово выталкивалось. Но случилось — застревало намертво. В три года его сбила машина, отбросив на стену дома. Семь часов он пролежал без сознания. Мама всегда говорила, что заикание — следствие того происшествия. Но Джордж иногда чувствовал, что у его отца (и самого Билла) такой уверенности нет.

Кусок парафина в миске почти полностью растаял.

Пламя сходило на нет, стало синим, продвигаясь по картонной спичке, погасло. Билл сунул палец в расплавившийся парафин, зашипев, отдернул. Виногато улыбнулся Джорджу:

— Горячо.

Через несколько секунд сунул вновь, принялся намазывать парафин на бумажный борт, где тот быстро засыхал, образуя пленку молочного цвета.

— А можно мне? — спросил Джордж.

— Давай. Только не капни на одеяло, а не то мама тебя убьет.

Джордж сунул палец в парафин, уже очень теплый, но не горячий, и принялся размазывать его по другой стороне кораблика.

— Толстым слоем не клади, жопная дырка! — одернул его Билл. — Хочешь, чтобы он утонул в первом же плавании?

— Извини.

— Все нормально. Лучше размазывай.

16 Джордж закончил со своим бортом, потом поднял кораблик. Он стал тяжелее, но не намного.

— Круто. Я собираюсь выйти и отправить его в плавание.

— Давай, — ответил Билл. Теперь он выглядел усталым... усталым — и по-прежнему нездоровым.

— Мне бы хотелось, чтобы и ты мог пойти, — ответил Джордж. Ему действительно хотелось. Билл иной раз любил покомандовать, но у него всегда возникали такие интересные идеи, и он редко обижал брата. — Это же твой корабль.

— Мне тоже хотелось бы пойти. — Билл помрачнел.

— Что ж... — Джордж переминался с ноги на ногу, держа кораблик обеими руками.

— Ты лучше надень дождевик, — предупредил Билл, — не то заболеешь г-гриппом, как я. Наверное, все равно заболеешь, от моих ба-ацилл.

— Спасибо, Билл. Классный кораблик. — И тут Джордж сделал то, чего не делал давно, то, что Билл запомнил навсегда: наклонился и поцеловал брата в щеку.

— Теперь ты точно заболеешь, жо-опная дырка. — Но Билл как-то повеселел. Улыбнулся Джорджу. — И убери все на место, хорошо? Или у мамы случится и-истерика.

— Конечно. — Он собрал все подручные средства, которыми они обеспечили водонепроницаемость бортов кораблика, и пересек комнату: кораблик лежал на жестянке с парафином, стоявшей чуть под углом в миске.

— Дж-Дж-Джорджи?

Джордж обернулся, посмотрел на брата.

— Бу-удь осторожен.

— Конечно. — Брови мальчика чуть приподнялись. Такое обычно говорит мать — не старший брат. Странно, как и то, что он поцеловал Билла. — Конечно, буду.

Он вышел. Больше Билл никогда его не видел.

3

И теперь Джордж бежал, догоняя уплывающий вниз кораблик, по левой стороне Уитчем-стрит. Бежал быстро, но вода бежала еще быстрее, и расстояние между ним и корабликом увеличивалось. Он услышал нарастающий рокот и увидел, что в пятидесяти ярдах ниже по холму дождевая вода, текущая по ливневой канаве, уходит в водосток — продолговатый, полукруглый вырез в бордюрном камне. На глазах у Джорджа лишенную листьев ветвь, с черной и блестящей,

как кожа тюленя, корой, занесло в пасть водостока. Ветвь на мгновение зависла, а потом ее утащило вниз. Туда и направлялся его кораблик.

— Ох, говно и «Шинола»!¹ — в ужасе воскликнул он.

Прибавил скорости и уже подумал, что сейчас выхватит кораблик из воды. Но тут нога Джорджа поскользнулась, и он упал, ободрав коленку и вскрикнув от боли. И уже с мостовой, под другим углом, наблюдал, как его кораблик сделал два круга, попав в очередной водоворот, а потом исчез.

— Говно и «Шинола»! — вновь выкрикнул он, стукнув кулаком по гудрону. Заболела и рука, и Джордж заплакал. Так глупо потерять кораблик!

Он поднялся, подошел к водостоку. Опустился на колени, заглянул вниз. Вода гудела, падая в темноту. От этого гудения по коже побежали мурашки. Оно напомнило ему о...

— Ах! — Вскрик вырвался из него, словно выбитый пружиной, и он отпрянул.

Там были желтые глаза — те самые глаза, которые он всегда представлял себе, но никогда не видел в подвале. Это животное, пришла бессвязная мысль, животное, только и всего, какое-то животное, может, домашний кот, которого утянуло туда водой.

И однако он уже изготовился дать деру... побегал бы через секунду-другую, когда его умственный распределительный щит справился бы с шоком, вызванным этими сверкающими желтыми глазами. Он чувствовал грубую поверхность гудрона под пальцами, над ним — холодный слой воды, огибающей их, и тут раздался голос, вполне нормальный, даже приятный голос, обратившийся к нему из водостока.

— Привет, Джорджи.

Джордж моргнул и вновь посмотрел вниз. И не смог поверить тому, что увидел. Это тянуло на выдуманную историю или на фильм, в котором зверушки разговаривали и танцевали. Будь он на десять лет старше, он бы точно не поверил тому, что видел, но он не прожил шестнадцати лет. Только шесть.

В водостоке находился клоун. Освещение там оставляло желать лучшего, но света все-таки хватало, так что Джордж Денбро не сомневался в том, что видел. А видел он клоуна, как в цирке или по телику. И выглядел этот клоун чем-то

---

¹ «Шинола» — марка обувного крема. Исходная фраза, популярная во время Второй мировой войны, — «Ты не отличишь говно от «Шинолы». Туповат, значит.